

Опубликовано:

Журнальная версия:

Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140-156.

Книжная версия (расширенная):

Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. С. 62-72. (Из главы «Главный противник в мировых войнах: Германия в сознании россиян»).

Е.С. Сенявская

ОБРАЗ ВРАГА В СОЗНАНИИ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Любая война начинается задолго до ее объявления, которому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами, внушающими народу мысль о необходимости и неизбежности грядущей войны, о защите национальных интересов, происках врагов, внешней угрозе и т.д. и т.п. Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников - низменными и корыстными, пропаганда каждой из сторон - участниц будущей войны закладывает в сознание своего народа образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Психология «свой - чужой» в кризисный период обостряется до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения до полного неприятия иной культуры, носителем которой является враг.

Каким же предстает образ врага в сознании современников и участников Первой мировой войны? Существуют три основных вида источников, в которых зафиксированы представления людей того времени о неприятеле, причем освещение в каждом из них «образа врага» существенно различается. Первый вид источников, отражающий официальную точку зрения, носит в основном пропагандистский характер. Это в первую очередь *периодическая печать*, в том числе фронтовые, армейские газеты и листовки, адресованные непосредственно солдатам.

Автор книги по истории информационных войн Н.Л. Волковский выделяет несколько этапов пропагандистского воздействия печати на массовое сознание в предвоенный и собственно военный периоды. До начала войны существуют три этапа, на каждом из которых пресса выполняет особые задачи. Приводя в пример ситуацию кануна Первой мировой войны, Н.Л. Волковский делает вывод, что *на первом*, «раннем этапе задачей прессы было создать не только в своей стране, но и у общественности всего мира твердое убеждение в миролюбии своего государства и в том, что мероприятия, осуществляемые его правительством, являются вынужденными и проводятся для улучшения благосостояния своего народа и в интересах всего человечества»; *на втором*, «более близком к войне этапе печать старалась показать всю несправедливость домогательств противника и указывала населению на те опасности, которые могут возникнуть у них со стороны нарушителей мира»; *на третьем*, «предмобилизационном этапе печать должна была приводить неопровержимые доказательства того, что ожидаемая война является для данного государства единственным и притом вынужденным выходом из создавшегося положения, осветить непримиримость противника, враждебность его намерений и действий, о которых до этого она молчала. Причем пресса должна довести эти доказательства до сведения общественности всего мира. Словом, печать должна мобилизовать в пользу своего государства мировое общественное мнение до того, когда будет объявлена мобилизация в вооруженные силы»¹. Так, например, немецкая пресса накануне 1914 г. изображала Германию как миролюбивую, слабую и беззащитную страну, на которую готовятся напасть агрессивные и вооруженные до зубов соседи, а идеолог прусского милитаризма Альфред фон Шлиффен писал, что в центре Европы «стоят незащищенные Германия и Австрия, а вокруг них расположены за рвами и валами остальные державы... Существует настойчивое стремление соединить эти державы для совместного нападения на срединные государства»².

Новые задачи появляются у печати в ходе самой войны. Именно тогда ее воздействие на общественное мнение и сознание населения своей страны, союзных, нейтральных и враждебных государств возрастает, а все силы концентрируются на главном направлении - формировании образа врага. При этом «на начальном этапе вооруженной борьбы внимание печати было особенно заострено на виновности противной стороны в войне. Печать представляла войну своего государства в глазах народа как борьбу против угрожающего жестокого зачинщика. В развязывании войны обвинялся неприятель. Он за все ответствен. Печать показывала несправедливые, захватнические цели противника в этой войне, угрожающие существованию всей нации. Справедливая цель войны - борьба с врагом за независимость - сплывала народ. Однако причиной войны не выставлялась мировая

¹ Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. СПб, 2003. Ч. 2. С. 72-73.

² Цит. по: Потопов Н.М. Печать и война. М.; Л. 1926. С.10.

система международных отношений, а показывались только исключительно жульнические инстинкты неприятеля. Это направлялось на то, чтобы у народа не было колебаний по отношению к тому, кого следует ненавидеть...»³. Пожалуй, впервые в истории во всех странах пропагандистский аппарат заработал столь масштабно и интенсивно. «Все средства тогдашней пропаганды истощно заголосили вдруг о родине, свободе, защите отечества, о миролюбии и гуманности... Осенью 1914-го большинство немцев, русских, французов и англичан были твердо убеждены в том, что именно на их страну напал враг, что их страна - невинная жертва агрессии»⁴.

Затем наступил следующий этап: «когда общество было убеждено, что войну начал противник и тем нарушил мир, печать указывала общественному мнению на примеры наглости и развращенности неприятеля, его алчности и преступности»⁵. Для такого рода материалов характерно изображение врага в образе зверя, чудовища, дикаря, варвара, отрицается сама принадлежность его к «культурному миру», и здесь, используя подлинные или мнимые факты, преуспевают обе воюющие стороны. Так, в начале Первой мировой войны в англо-французской прессе очень широко были распространены различного рода публикации о зверствах и дикости германцев на захваченной ими у Франции территории, вплоть до леденящих душу рассказов о поднятых на штыки младенцах, отрубленных детских ручках и об изнасиловании монахинь. Эта пропаганда ужасов, по большей части фальсифицированных, имела большую силу воздействия на массовое сознание противника⁶. Подобные материалы заполняли газеты и журналы немцев и австрийцев, только здесь жестокими варварами изображались русские и их союзники. Достаточно сравнить заголовки русских и немецких газетных статей того времени: «Невероятное зверство германцев» и

³ Волковский Н.Л. Указ. соч. С. 73-74.

⁴ Первая мировая. / Сост., предисл., вступит. статья к документам и коммент. С.Н. Семанова. М., 1989. С. 8-9.

⁵ Волковский Н.Л. Указ. соч. С. 74.

⁶ «В 1920-е годы в германской массовой литературе разоблачались наиболее известные факты лжи пропаганды Антанты и вскрыты их корни. Особенно долго немцы ощущали результаты пропаганды ужасов. Огромную убедительную силу имели легенды об отрубленных детских руках, которые в самых различных версиях обошли всю мировую прессу. Тысячи граждан со всех концов всего мира заявляли тогда о своей готовности усыновить изувеченных детей, и даже сам Папа Римский обещал выразить протест германскому правительству, если ему будут предъявлены неопровержимые данные. Однако эти случаи не имели официального подтверждения. Также остались недоказанными легенды о «распятии канадца», сообщение о насилиях над монашками, о подвешенных католических священниках, о переработке немцами трупов солдат, своих и чужих, на стеарин и на корм для свиней. Это последнее сообщение вызвало во всем мире бурю негодования, и есть мнение, что оно ускорило вступление Китая в войну на стороне Антанты. Только в 1925 году эта ложь была наконец разоблачена в статье, появившейся в американской газете «Таймс диспэтч», которая писала по этому поводу: «Из всех ужасных орудий современной войны едва ли не первое место занимает пропаганда, являющаяся важной составной частью военной машины любой нации. Знаменитая история с трупами, которая во время войны довела ненависть народов к Германии до предела, объявлена сейчас английской палатой общин ложью. Несколько месяцев тому назад мир узнал о том, что эта ложь была сфабрикована и распространена одним из ловких офицеров английской разведки». См.: Волковский Н.Л. Указ. соч. С. 234.

«Казачьи козни», «Христиане ли немцы?» и «Мародерство русских при Эйдткунене», «Германские неистовства» и «Люди или звери», «Как воюют палачи» и «Партизанская война в России»⁷.

Каждая из сторон старается представить истинным виновником войны своего противника, выставляя себя невинной жертвой. Немецкие газеты называют главной причиной войны «зависть других держав к Германии, которая могла бы сделаться самым могущественным государством, а чтобы этому воспрепятствовать, нужно было ее уничтожить». Далее следует убийственная характеристика членов неприятельской коалиции: «С этой целью [уничтожения Германии - Е.С.] и соединились такие противоположности, как Россия, представительница самого крайнего абсолютизма, и мать революции и гильотины Франция. Россия, в которой каждый монарх без исключения погибает насильственной смертью, протягивает руку Сербии, оскверненной цареубийством, самое старое на свете конституционное государство Англия не стыдится стать в одном ряду с царскими живодерами, подавляющими свободу при помощи кандалов, кнута и виселицы. Англия, связанная с Германией узами крови, разыгрывает до последнего момента роль приятеля, чтобы в конце концов погрузить свои руки в братскую кровь»⁸.

В свою очередь газеты государств Антанты возлагают ответственность за развязывание войны на Германию с ее «извечной агрессивностью», нацеленной на миролюбивых соседей, и не жалеют ярких эпитетов для нее и ее союзниц. В печати обоих враждующих блоков всячески подчеркиваются систематические нарушения противником законов и обычаев войны, определенных международным правом. При этом нарушение «правил игры» своей стороной либо отрицается, либо объявляется актом возмездия за аналогичные действия неприятеля. Так, пытки, издевательства и изощренные убийства пленных казаков немецкая сторона пыталась оправдать жестокостью самих казаков в отношении мирных жителей на оккупированных русской армией территориях, а расправы над гражданским населением во Франции и Бельгии - массовым партизанским движением в этих странах. Французы, в свою очередь, поднимали вопрос о необходимости ответного применения отравляющих газов против германских войск, использовании разрывных пуль и другого запрещенного Гаагской конвенцией оружия по принципу «око за око, зуб за зуб».

На протяжении всей Первой мировой войны «пресса путем информации о военных событиях и определенного освещения фактов формировала определенные взгляды и мнения, воздействовала на духовное состояние армии и населения страны, настраивала к действиям.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 2, 6, 8, 27; Д. 730. Л. 3; Д. 732. Л. 3, 5, 23.

⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 19-20.

Она содействовала формированию благоприятного общественного мнения в союзных и нейтральных странах и вносила разложение в ряды противника»⁹. Таким образом, война 1914-1918 годов показала, «какую огромную роль имеет печать как средство воздействия на общественное мнение и психологию масс», продемонстрировала «значение печати как мощного фактора вооруженной борьбы»¹⁰, в том числе в деле формирования образа врага и его внедрения в массовое сознание.

С первых дней войны важнейшие пропагандистские задачи стояли и перед военным руководством. Следует признать, что русское армейское командование находило в целом адекватные формулы для мотивации участия России в войне, подчеркивая справедливый и оборонительный ее характер, ориентируя войска на победу, опираясь при этом на славные боевые традиции русской армии, в том числе и на победоносный опыт в борьбе с собственно немецким противником. Так, подобная мотивировка присутствует в приказе **№ 1** главнокомандующего войсками Северо-Западного фронта генерала Я.Г. Жилинского от 20 июля (2 августа) 1914 г.: «20 июля 1914 г. Германия объявила России войну и открыла уже военные действия. Мы должны отстоять нашу родину и честь нашего оружия. Не в первый раз приходится нашим войскам воевать с немцами; они испытали наше оружие и в 1757 г., и в 1812 г., причем всегда мы оставались победителями. Убежден, что вверенные мне войска проявят присущую им доблесть в наступившую войну и, как всегда, честно и самоотверженно выполнят свой долг»¹¹. Однако мотивировка эта, как видно даже из приведенного выше документа, была, как правило, слишком общей, абстрактной и не вполне понятной для основной массы населения и армейских низов, состоявших в основном из неграмотного или малограмотного крестьянства. Можно привести еще пример образчика такой пропаганды целей России в войне, присутствующей в другом приказе - по 2-й армии от 4 июня 1915 г.: «В настоящей войне с вековым врагом славянства - с немцем, мы защищаем самое великое, что только когда-либо могли защищать, - честь и целостность Великой России»¹².

Однако подобная абстрактность в сочетании с высокопарностью явно не могли затронуть ни ум, ни сердце малообразованного, но прагматичного крестьянина, плохо представлявшего себе не только умозрительные понятия «о чести и величии России», но и не имевшего представления о таких более конкретных категориях, как славянство, Германия, Австро-Венгрия и их взаимоотношения между собой и Россией. Обо всех этих проблемах, упиравшихся не только в неэффективность пропагандистского аппарата империи, но и, в

⁹ Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. СПб, 2003. Ч. 2. С. 70.

¹⁰ Там же.

¹¹ Восточно-Прусская операция. Сб. документов. М., 1939. С. 77.

¹² Лемке М. 250 дней в царской ставке // Первая мировая. М., 1989. С. 401.

конечном счете, в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения, в том числе и рядового состава армии в Первой мировой войне, написал в своих мемуарах генерал А.А. Брусилов. Сетую на то, что техническое оснащение русских войск было значительно хуже, чем у противника, он отмечал: «Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная... Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили». Далее он свидетельствует о полном непонимании народными массами причин и целей войны: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову, - как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз я спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы - не знал почти никто, что такое славяне - было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать - было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя. Что же сказать про такое пренебрежение к русскому народу?!»¹³. И наконец А.А. Брусилов делает неутешительный вывод о причинах отсутствия в народных низах чувства патриотизма: «Можно ли было при такой моральной подготовке к войне ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах?! Чем был виноват наш простолюдин, что он не только ничего не слышал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует, зная лишь, что существуют немцы, которые обезьяну выдумали, и что зачастую сам губернатор - из этих умных и хитрых людей. Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?!»¹⁴.

Патриотическая пропаганда того времени, по признанию многих современников, была малоэффективна и почти не действовала собственно на солдат. Однако попытки такого воздействия, безусловно, имели место, о чем свидетельствуют хотя бы названия выпускаемых в то время пропагандистских брошюр: «Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян» (1914), «Почему Россия не может не победить Германию» (1914), «Как воюем мы и как воюют немцы» (1914), «Что делают немки, когда немцы воюют» (1915), «Россия борется за правду» (1915), «Война за правду» (1915), «О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца» (1915), «Что ожидает добровольно

¹³ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 81-82, 83.

¹⁴ Там же. С. 83.

сдавшегося в плен солдата и его семью» (1916) и т.п.¹⁵ Уже в самих этих заголовках заметны и основные направления этой пропаганды (объяснение причин, целей и характера войны, формирование образа врага, призывы к исполнению воинского долга), и эволюция ее методов - от возвышенных обращений и абстрактной риторики в начале войны до предостережений и прямых угроз на ее завершающих этапах, когда у солдатской массы накопилась усталость от войны, усилились антивоенные настроения, падала дисциплина и нарастала угроза разложения армии. Интересно, что русские пропагандисты попытались нащупать те струны народного сознания, которые могли отозваться на соответствующее воздействие. Низкий образовательный уровень, культурная ограниченность, зачастую даже мировоззренческая примитивность солдат требовали адекватных форм обращения к личному составу армии: простоты идей, близких народному сознанию понятийных категорий, упрощенной лексики, разговорного языка. Надо отметить, что несмотря на то, что в начале века идеологические инструменты обработки массового сознания еще не получили такого мощного развития как в последующие десятилетия, военным идеологам-пропагандистам русской армии удалось найти некоторые эффективные приемы и адекватные формы, которые, однако, не получили достаточно широкого распространения. Например, от непонятных для солдата-крестьянина идей защиты славянства, поддержания славы русского оружия и т.п. они нередко переходили к смутной, абстрактной, но отзывающейся в русской православной душе идеи борьбы «за правду» как главной мотивировке войны против Германии.

Другой официальный источник отличается большей сдержанностью и объективностью оценок и часто носит аналитический характер. Это **боевые донесения и доклады**, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля и внутри враждебного государства, наблюдения о боевых качествах врага, его стратегии и тактике, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных. Так, опросные листы свидетельствуют о том, что германские и австрийские офицеры запугивали солдат русским пленом, утверждая, будто русские всех расстреливают и добивают раненых¹⁶. То же самое говорилось в русской армии о немецком плене, что, в отличие от предыдущего заявления, подтверждалось многочисленными фактами. По признанию одного из военнопленных, рядового австро-венгерской армии, от 2 декабря 1914 г., «сказкам о русской жестокости теперь уже мало

¹⁵ Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян. Киев, 1914; *Сенигов И.* Почему Россия не может не победить Германию. СПб, 1914; *Орлов В.Г.* Как воюем мы и как воюют немцы. М., 1914; *Смеречинский Е.* Что делают немки, когда немцы воюют. Киев, 1915; Россия борется за правду. М., 1915; *Назаревский Б.* Война за правду. М., 1915; *Иваненко С.* О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца. Беседа с нижними чинами. Казань, 1915; *Навовев П.* Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами. Пг., 1916; и др.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 14; Д. 535. Л. 129; Д.730. Л. 27.

верят, так как в действительности она почти нигде не подтвердилась, а лично с пленным кубанские казаки, его захватившие, обращались хорошо: накормили и, узнав, что он болен, приказали хозяину той избы, где он находился тогда, запрячь коня и на возу довели до русского госпиталя»¹⁷. Между тем, по утверждению лейтенанта австрийского пехотного полка, издевательство над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армиях было возведено в систему. «В конце апреля и в мае [1915 г. - Е.С.], при отходе русских к реке Сан, ко мне неоднократно прибегали мои солдаты - чехи, поляки и русины - и с ужасом докладывали, что где-нибудь поблизости германские и часто австрийские солдаты-немцы занимаются истязанием русских пленных, замучивая их до смерти, - рассказывал он. - Сколько раз я обращался по указанному направлению и видел действительно ужасную картину. В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат. Находившиеся поблизости германские солдаты каждый раз мне объявляли, что они лишь исполняют приказания своих начальников. Когда я обращался к германским офицерам с вопросом, правда ли это, то они мне отвечали: «Так следует поступать с каждым русским пленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха. Только озверелые солдаты хорошо сражаются, но для этого наши солдаты должны упражняться в жестокости на русских пленных, которые, как изменники своей Родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают»¹⁸.

Несмотря на подобные факты, характеризующие облик врага, русские войска придерживались «рыцарского кодекса» ведения войны, в традициях которого был воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса считалось не только позорным, но и вредным для успеха на поле боя. Нарушители немедленно призывались к порядку¹⁹.

Примером рыцарского отношения к врагу (впрочем, не одобренного ни начальством, ни общественным мнением) может служить поведение генерал-майора В.П. Форсея, командира порта Императора Александра III в г. Либаве, который неоднократно нарушал специальные распоряжения командования «не допускать проявления особого внимания и поправок по отношению к военнопленным» и чуть было не организовал торжественный обед в честь немецких офицеров со сбитого «Цепелина», по поводу чего органы контрразведки провели особое расследование²⁰.

«Несанкционированное» уважение к врагу проявлялось порой и с немецкой стороны. Так, в письме неизвестного офицера с французского фронта есть любопытный эпизод, в

¹⁷ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 76.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 219; О нарушении германской и австро-венгерской армиями международных конвенций о законах и обычаях войны см. также: Документы о немецких зверствах в 1914-1918 гг. М., 1942.

¹⁹ Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1974. С. 65.

²⁰ РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 148.

котором даны восторженные оценки мужеству неприятеля: «Французов гораздо больше, чем нас, и они безумно храбры... Что это за люди! Идут на верную смерть... Сегодня был такой случай. Начали, как всегда. Впереди - офицер. Но солдаты замялись. Половина осталась в траншеях. Другую половину мы моментально смели, как метлой. Остался целым один офицер. Машет шпагой и бежит на нас... И вот мгновенно без команды затихла стрельба. Ни мы, ни французы, не стреляем. Храбрец постоял перед жерлами наших пулеметов, рука со шпагой бессильно повисла. Повернулся и сконфуженно, как провинившийся школьник, пошел к своим...»²¹ Но в целом для немецкой армии такие настроения были нетипичны.

Третий вид источников (кстати, последний из приведенных выше документов относится именно к этому виду) содержит субъективные оценки частных лиц, в которых тесно переплелись взгляды, сложившиеся под влиянием пропаганды, и зачастую противоречащий этим первоначальным убеждениям собственный жизненный опыт. Это **источники личного происхождения - письма, дневники, воспоминания**. Причем, в письмах с фронта отражаются взгляды той части народа, которая ведет непосредственную вооруженную борьбу с врагом, находясь с ним в постоянном прямом контакте, а письма из тыла отражают опосредованное влияние военных событий на сознание людей, для которых противник по-прежнему остается обезличенной символической фигурой.

Приведем для сравнения несколько писем, найденных у военнопленных и убитых немецких солдат и офицеров. 21 августа 1914 г. командир 33 эрзац-батальона капитан фон Бессер пишет о боях в Восточной Пруссии: «Мои люди были настолько озлоблены, что они не давали пощады, ибо русские нередко показывают вид, что сдаются, они поднимают руки вверх, а если приблизишься к ним, они опять поднимают ружья и стреляют, а в результате большие потери»²². В ответе его жены от 11 сентября 1914 г. мы находим следующий отклик: «Ты совершенно прав, что не допускаешь никакого снисхождения, к чему? Война - это война, и какую громадную сумму денег требует содержание в плену способных к военной службе людей! И жрать ведь тоже хочет эта шайка! Нет, это слишком великодушно, и если русские допускали такие ужасные гнусности, какие ты видел, то нужно этих скотов делать безвредными! Внуши это также своим подчиненным»²³. Но если в письмах начала войны, преисполненных бодрости и патриотического подъема, отношение к врагу чаще всего высокомерно-презрительное, то чем дольше длится война, чем сильнее проявляется усталость, тем чаще неприятель воспринимается в облике такого же измученного, уставшего от войны человека. Характерно, что подобные настроения распространяются как на фронте, так и в тылу. Вот что пишет жена немецкого солдата 17 декабря 1914 г. из Берлина: «Ты

²¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 32.

²² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 642. Л. 28.

²³ Там же. Л. 48.

боишься, как ты мне пишешь, что когда-нибудь можешь попасть в плен? Я не думаю, дорогой Вилли, но когда случится, ведь русские тоже люди и с вами тоже будут обращаться, как с людьми. Я говорила с русскими беглецами, и они мне описывали русских как добродушных людей, но я все-таки прошу тебя - не попадайся в плен. Слышали ли вы про великую победу в Польше? Сегодня весть эта стала распространяться у нас. Но сколько людей, вероятно, опять при этом должны были погибнуть? Не захотят ли русские скоро мира? Когда подумаешь, не поймешь, почему, почему все это?»²⁴

Жизнь на передовой постоянно создавала ситуации, когда сходство солдатского быта, повседневных житейских мелочей волей-неволей заставляли почувствовать некую «общность» с противником, таким же «пушечным мясом», бесправной «пешкой» в непонятной ему игре. В письмах с фронта унтер-офицера И.И. Чернецова говорится о том, как немцы и русские отмечали на передовой Рождество и Новый год, заключив что-то вроде негласного перемирия на все время праздников. «Немецкое Рождество прошло на нашем фронте вполне спокойно, без выстрелов орудийных и ружейных, а также спокойно прошла и ночь на их Новый год, только сами немцы сильно шумели: пели песни, свистали, хлопали в ладоши и прыгали, не смущаясь присутствием нас, а мы очень близко находились в это время от них. Сейчас уже вот несколько дней на фронте так же спокойно, но только интересно, как-то пройдет наше Рождество и не потревожат ли нас сами немцы на наш праздник или на Новый год», - пишет он сестре 22 декабря 1914 г., а уже 29 декабря сообщает: «Рождество Христово нам пришлось встречать на передней позиции, как я и писал ранее вам. Немцы нас совершенно не тревожили ни в сочельник, ни в самый праздник. В сочельник у артиллеристов была зажжена елка, поставленная перед землянками. Вечер был тихий и свечей не задувало. Потом им раздавали подарки и заказанные ими вещи»²⁵. Так под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, воспитанный средствами пропаганды, постепенно трансформировался в образ врага-человека²⁶.

Невольное сравнение себя с противником можно обнаружить во многих немецких письмах и дневниках, особенно там, где речь идет о снабжении армии обмундированием и продовольствием (по свидетельствам документов, немецкие и австрийские войска на Восточном фронте часто голодали). Так, солдат 51 пехотного полка пишет 19 ноября 1914 г.: «Вечером выступили и по дороге опять встретили несколько больших партий военнопленных русских. Это довольно крепкие и, можно сказать, хорошо кормленные люди»²⁷. А в одной

²⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 654. Л. 13.

²⁵ Центр документации «Народный архив» при Московском государственном историко-архивном институте (далее - ЦДНА при МГИАИ). Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 17-18, 20-21.

²⁶ Противоположное мнение высказывает историк С.В. Оболенская. См.: «Немецкий вопрос» в годы Первой мировой войны // *Оболенская С.В.* Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 162.

²⁷ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 654. Л. 22.

из немецких газет за 5 апреля 1915 г. не без зависти говорится: «Русский пехотинец хорошо одет и обут. Что касается питания, то много жаловались после сдачи в плен, что несколько дней ничего не ели, имея при этом внешний вид очень хороший. У немецких офицеров сложилось уже давно мнение, что русские солдаты это говорят для вызова к ним чувства сожаления. При обыске у русских военнопленных при каждом пехотинце всегда находили кусок хлеба»²⁸. Но вот автор доклада русской военной разведки, отмечая факты плохого снабжения австрийской армии, негодует совсем по другому поводу: «Офицеры и интенданты объясняли отсутствие провианта действиями русской кавалерии, постоянно взрывавшей в тылу у неприятеля мосты и портившей дороги, благодаря чему своевременный подвоз был невозможен. Офицеры были в изобилии снабжены консервами и даже вином. Когда на привале они начинали пиршествовать, запивая еду шампанским, голодные солдаты приближались к ним и жадно смотрели на это, когда же кто-нибудь из них просил дать хоть кусочек хлеба, офицеры отгоняли их ударами сабель»²⁹. В каждой строке этого официального документа сквозит сочувствие к вражеским солдатам!

Особый интерес вызывает характеристика боевых качеств неприятеля, которая в той или иной форме встречается в каждом из перечисленных видов источников. Так, например, в дневниках и воспоминаниях участников событий нередко приводятся сравнительные оценки германских и австрийских войск. «Белый с красным дым разрывов [австрийских снарядов - Е.С.] лучше белого германского», - утверждали русские солдаты, оборонявшиеся в апреле 1915 г. в Западной Галиции. Прибывшие на смену австрийским частям «германцы сразу заставили их быть более осторожными и бдительными как в окопах, так и в сторожевой службе, благодаря своей активности», - отмечал капитан Д.Н. Тихобразов из штаба 3-й армии Юго-Западного фронта, а военврач Л.Н. Войтоловский месяц спустя записал такой диалог с ранеными той же армии, находящимися в полевом госпитале:

- Разве с германцами так трудно воевать?
- Трудно, - отвечает хор голосов.
- Крепкий народ.
- Хитер больно.
- Хитрее хитрого. Его не собьешь...
- С австрийцем легче воевать?
- Да, с ним полегче. Он пужливый. Сейчас в плен сдается...

²⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 87-88.

²⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 75-76.

– ...Герман - тот лютый. Хитер. Сильный. С ним никакого сладу³⁰.

Однако даже в официальных докладах наряду со взвешенными деловыми оценками имеются высокомерные выпады в адрес противника вплоть до обвинения его в трусости. Вот лишь некоторые из оценок, данных немцами русской армии: «Недостаток образования и военной подготовки у русского пехотинца заменяется его выносливостью, т.е. способностью легко переносить все невзгоды природы... Русский пехотинец, послушный и исполнительный, не имеет, однако, жилки желания победы»; «У русских не хватает духа офензивы [наступления - Е.С.], тогда как они отлично обороняются и очень способны к партизанской войне»; «Русские казаки рыщут везде, но лихости у них никакой. Зато они отлично умеют прятаться, их укрытия совсем нельзя заметить»; «Русские очень хитры, но зато трусливы»³¹. Впрочем, и русские не остаются в долгу, делая свои заключения по поводу стойкости и боевого духа неприятеля. И здесь особенно показательны выводы, сделанные армейской разведкой на основе показаний военнопленных и наблюдений за ними: «Вместо прежнего упорства при допросах и высокомерного тона у германских офицеров, на смену явились покорный тон, сравнительная откровенность и плохо скрываемая удовлетворенность, что попали в плен»; «Нижние чины германской армии, за малыми исключениями, охотно отвечают на все вопросы. Нижние чины в последнее время имеют очень исхудалый и измученный вид, обмундирование оборвано, а вместо нижнего белья одно отрепье»; «Настроение германских солдат неважное, но офицеры подбадривают их ложными сообщениями о победах»; «По словам пленных, настроение в войсках угнетенное»³².

Впрочем, «угнетенное настроение» постепенно зреет в армиях всех воюющих государств, а вместе с ним, вместе с усталостью и желанием скорейшего мира, растет озлобление против «виновников войны». Вопрос в том, кого считать виновником и каким теперь видится образ врага. Декабрь 1914 г., Восточный фронт: «Австрийские войска недовольны этой войной, которая надоела как нижним чинам, так и офицерам. Против Германии существует довольно сильное озлобление, так как войска теперь убеждены, что война возникла по проискам и наущению соседки. Офицеры желали бы во что бы то ни стало заключить мир, но Германия не позволяет этого, и потому недовольство ею только растет»³³. Июль 1915 г., Восточный фронт: «Все пленные германские офицеры и нижние чины убежденно говорят, что Россия объявила войну и имеет завоевательные стремления, а офицеры, кроме того, уверяют, что русская армия была за две недели до объявления войны

³⁰ Цит. по: Смирнов А. Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте // Родина. 2004. № 9. С. 17.

³¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 87-88; Д. 642. Л. 24, 30, 44.

³² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 118-119; Д. 516. Л. 19; Д. 535, Л. 75-76.

³³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 535. Л. 75-76.

мобилизована»³⁴. Июль 1915 г., из письма немецкого офицера с французского фронта: «Зачем, почему этот ад?! Душит злоба на тех, кто вызвал катастрофу. Я умолял перевести меня на английский фронт. Хочу упиться муками этого трижды проклятого народа. О, да, трижды, сто раз проклятого!!! Ибо они одни всему причиной. Они зажгли пожар»³⁵.

Таким образом, психология «свой - чужой» остается в силе: «Свой всегда прав, чужой всегда виноват». Правда, обостряются отношения между союзниками в блоке центральных держав, но они всегда были довольно натянутыми. Образ врага претерпевает некоторые изменения на «бытовом» уровне и сохраняется в прежнем виде на уровне «глобальном»: ни один народ не готов признать свою страну зачинщицей конфликта, он ищет и находит для нее оправдания - из патриотических чувств, национальной гордости или инстинкта самосохранения. Но пройдет еще немного времени - и усталость возьмет свое, недовольство перейдет в революционное брожение, ненависть масс перекинется с врага внешнего на «врага внутреннего», обрушится на собственные правительства. Одна всемирная катастрофа повлечет за собой другую, не менее страшную, которая будет стоить человечеству еще большего числа жертв. А пока в перерыве между боями на Восточном фронте 23 декабря 1914 г. немецкий офицер записывает в своем дневнике: «Мы теперь все устали от войны. Самая сокровенная наша мечта, о которой мы часто говорим, - это мир. Мирные переговоры для всех нас были бы избавлением от этого кошмара. Но куда ни посмотришь - нет выхода, нет надежды»³⁶. Впрочем, политиков не волнует, о чем думает «пушечное мясо».

Итак, в сознании участников Первой мировой войны существовало два основных образа врага. Первый, «глобальный», сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя представления о враждебном государстве или блоке государств; второй, «бытовой», возникал в результате непосредственных контактов с лицами из противоположного лагеря - военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли такие факторы, как продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем, более «мобильным» был именно второй образ. Что касается первого, то он закрепляется в сознании нескольких поколений, приобретая характер стойкого «послевоенного синдрома».

Именно в период 1914-1918 гг. «рыцарский кодекс» в соблюдении законов и обычаев войны постепенно уходит в прошлое, открывая дорогу оружию массового уничтожения, задавая зловещую «программу» грядущим войнам XX века.

³⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 118-119.

³⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 32.

³⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 644. Л. 3.

Вторая мировая война реализовала все наиболее страшные тенденции, заложенные в Первой, приобретя особое ожесточение в советско-германском противоборстве.

Об авторе:

Елена Спартаковна Сенявская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации.